

На спине дракона

14 мая 2002 — 31 июля 2002

Перу, Боливия, Чили

14 мая 2002 года, покинув плато Наска, я направляю свою коляску прямо на восток — в город Куско, древнюю столицу инков, «сердце цивилизаций». В нескольких километрах отсюда древнейшая на планете цивилизация оставила на обезвоженной почве загадочные гигантские фигуры — спирали, очертания животных, уходящие за горизонт линии, — над их скрытым смыслом исследователи бьются и по сей день. Кому адресованы эти таинственные послания? Для себя самих инки оставили их или для новых поколений? А может, адресовали свои послания небесам? Загадки, которые хранит эта земля, восхищают меня. Следующие тысячу семьсот километров я пройду напрямик по спине дракона. Пройду в ритме, ведомом мне одному, шаг за шагом.

Я вовсе не собираюсь бросать вызов здешним горам: дракон сам позволил мне взять в руки поводья. Чувствую, что я к этому готов.

Никакого пропитания я не найду нигде вплоть до следующей деревеньки — это в сорока трех километрах отсюда. Так что ложусь спать под звездами, разглядывая неведомые мне созвездия. Дорога, окруженная обрывами, бросает мне вызов — я двигаюсь не спеша, будто в анабиозе. Позади в тумане исчезает плато Наска, а я поднимаюсь еще и еще, дыхание сбивается, пот струится по лицу. Наконец добираюсь до деревни Круз Галера, расположенной высоко в горах, в четырех тысячах метрах над уровнем

моря. Моя тонкая куртка не в силах противостоять холодному пронизывающему ветру, и я вынужден укрыться от его порывов в придорожном баре — более чем скромной хижине, где прямо на глиняном полу поставили небольшую стойку, покрытую листом железа, а рядом разместили два деревянных столика. Едва я усаживаюсь, как меня всего охватывает безудержная дрожь, вынуждающая набросить на плечи спальник. Ко мне подходит хозяйка — на ее плечи на манер пончо накинута теплая шкура ламы, — но я не могу ни слова вымолвить, лишь стучу зубами от холода. Ее зовут Анна. У меня — что для нее совершенно очевидно — признаки гипотермии, объясняет она, отодвигая свободный стол подальше в угол. Быстрыми движениями она раскладывает на полу овечьи шкуры и велит мне прилечь, пока она приготовит для меня мате с листьями коки.* Меня жутко тошнит, так что я едва притрагиваюсь к горячей еде, которую приносит сердобольная Анна. И засыпаю как убитый прямо в ногах у компании подвыпивших егерей, отмечающих свою получку и горлающих песни на кечуа**.

Утром просыпаюсь с безумным приступом мигрени и расстройством желудка. Анна заставляет меня проглотить тарелку риса, который я жую безо всякого удовольствия, посылая ругательства треклятому дракону, который, конечно же, сейчас насмехается надо мной. В полукоматозном состоянии иду дальше. Неторопливо спускаюсь к национальному заповеднику Пампа-де-Галера, в котором водятся ламы-викуни. За мех этих изящных родственниц верблюдов браконьеры дерут баснословные суммы. Из тонкой шерсти, снятой с их пушистых спинок, выделывают самую дорогую пряжу в мире. В элитном обществе изделия из этой шерсти производят настоящий фурор. Почему-то я улыбаюсь, глядя на то, как эти трогательные хрупкие «верблюжки» щиплют сухую высокогорную травку. Скоро их нежная шерстка уютно устроится на аппетитной груди женушки какого-нибудь женеvского банкира.

А в долине под лучами солнца пригрелись цветы всех видов и мастей. Красочная жизнь разворачивается и на главных улицах деревушек, которые застроены маленькими домиками, разбросанными между скалистыми горами. Кухоньки здесь располагаются в отдельных постройках, и хозяйки

---

* Кока — тропический кустарник с кожистыми листьями, из которых добывается кокаин.
Прим. ред.

** Древний язык инков, крупнейший по числу носителей индейский язык обеих Америк.

уверенно спуют посреди бастионов чугунков, кастрюль и поварешек, развешанных над очагом. Густой дымок клубится над глиняными и соломенными крышами. Слышно, как поют птицы. Вдали какая-то женщина тянет за собой корову; другая окликает меня на кечуа, древнем диалекте инков, который я не понимаю. На ней крошечная шляпка, и она сильно смахивает на мою покойную бабушку. Девчужке с пунцовыми щечками она протягивает чашку с чем-то белым и вязким, похожим на молочную рисовую кашу. Эти очень личные сценки из чужих жизней провоцируют у меня очередной приступ ностальгии. Очень хочется остановиться и остаться здесь, поселиться среди душевных и миролюбивых людей. Здесь повсюду течет жизнь, наполненная нежностью и спокойной силой, и именно здесь, в сердце огромных гор, глядя в глубокие миндальные глазки этой девочки, маленькой дочери Анд, я пребываю в полном согласии с мирозданием.

Вот только... Хотя моя душа чувствует себя здесь прекрасно, тело никак не хочет мириться с высокогорным климатом. В животе то и дело нестерпимо жжет, и вновь начинается диарея. Работники местной транспортной компании подбирают меня по дороге возле Пукьо совершенно больного и разбитого. Следующие пару дней я отлеживаюсь на кушетке, постоянно вздыхая и не переставая стонать. Но едва возвращаюсь к жизни, как один из моих спасителей тащит меня в ресторан, где Лаура и Соломон, владельцы заведения, устраивают для меня настоящий пир, остатки которого перекочевывают в мою колясочку. Лаура заметно тревожится из-за моего самочувствия. От плато Наска я прошел всего порядка ста сорока километров, но пока еще не столкнулся ни с настоящим дождем, ни с порывами ветра... Присев напротив, Лаура трогает меня за плечо и шепотом раскрывает один страшный секрет. Давным-давно часки, знаменитые курьеры инков, в чьи обязанности входило доставлять подарки и письма с одного конца империи на другой, чтобы справиться с холодом, голодом и прочими неприятностями, которые могут постигнуть путника в горах, жевали листья коки. Говорят, что только благодаря своим верным часки инки могли каждый день наслаждаться свежей рыбой, доставленной с тихоокеанского побережья...

— И ты тоже часки, — продолжает она, — ты несешь людям послание мира. Вот, возьми! — и кладет в мою ладонь пакетик с драгоценными листиками, поясняя: — Как почувствуешь, что стало невмоготу, пользуйся. Возьми штук десять-двенадцать и засунь за щеку. Пусть выделится сок, только ты его не глотай, а выплевывай!

Помрачнев, она добавляет:

— Там дальше подъем километров на двенадцать, и кругом ни души.

Я успокаиваю и приободряю Лауру, с благодарностью принимая ее подарок.

Несколько часов спустя я попадаю в какое-то зловещее местечко, неистово воюю с дождем, пытающимся пробуравить мою кожу, и сопротивляюсь резким порывам ветра. Выхватываю из заветного пакетика несколько листиков коки и, согласно инструкции Лауры, запикиваю их в рот. Эффект незамедлительный! Не сбавляя шаг, я продолжаю свое восхождение, пока не добираюсь до небольшой плоской платформы, где решаю сделать привал. Температура где-то около нуля, но я смеюсь над холодом! И засыпаю, насвистывая, весьма довольный собой. А наутро просыпаюсь, обернутый собственной палаткой и придавленный сверху коляской, — вот как ветер за ночь постарался! Наспех пакую вещи, пока ветер не начал усиливаться.

Пересекая Орконкоча, край озер и заснеженных вершин, принимаю решение больше не прибегать к помощи коки. И дело не в том, что я побаиваюсь подсесть на эту чудесную травку и на ее тонизирующий эффект, ведь он довольно слабенький... Но, собственно, разве я ушел из своего дома ради того, чтобы погрязнуть в наркотических галлюцинациях? Предпочитаю сохранить ясность ума. Это наиглавнейшее условие для обретения настоящей свободы.

Еще дней двадцать я шагаю по безбрежью гор — череде восхождений, спусков и перепадов высот в тысячу — полторы тысячи метров. Порой складывается ощущение, что извилистая дорога под ногами — это бесконечная спираль, проложенная каким-то древним божеством майя, чтобы защитить от любопытных глаз вход в свое мистическое царство. Изредка я набредаю на деревушки, где вокруг хижин сушатся на солнце кожи и куски мяса альпаки. В Негро-Майо (что в переводе означает «Черная речка») шериф Киприано знакомит меня с двумя мужчинами, такими же путешественниками, как я, наследниками древних традиций здешних мест. Они — арриеро* и ведут своих лам караваном по древним тропинкам между морем и горами, то и дело останавливаясь в деревнях и обмениваясь товарами. Все вместе мы перекусываем мясом альпаки.

Нужно сказать, что довольно часто, любясь хрупкой красотой самых разных пластов культуры, я ощущаю глубочайшее счастье: ведь в этот момент

---

* Погонщики скота (исп.).

я нахожусь именно там, где и мечтал, — в пространстве вне времени, вдали от безумного мира.

8 июня, порядком разбитый, я достигаю провинции Лиматамбо у подножия гор, окружающих знаменитый Мачу-Пикчу. Это местечко — удивительная община, в которой обитатели Анд живут по своей, абсолютно демократической модели. Чтобы лишить полномочий двух владельцев этих земель, они объединились и создали полноценную демократическую структуру с долевой собственностью. В муниципальный совет здесь входят около тридцати представителей региональных объединений, и всякое решение принимается только в тесном сотрудничестве с гражданами.

— Благодаря этой системе, — поясняет мне местный мэр, — деньги горожан действительно работают на них, потому что и мы, как власть, хорошо умеем ими управлять.

Господин Уилберт Роса Б. предлагает мне задержаться в этих краях на столько, на сколько мне будет угодно, и с гордостью рассказывает обо всех своих достижениях в мельчайших подробностях. В здешнем ресторанчике мне подают анисовую настойку, пригубив которой знакомлюсь с Хулио, местным сотрудником муниципалитета. Разложив на столе карту, я спрашиваюсь у него о состоянии троп, по которым хочу подняться к святым святым древних инков, избегая туристических маршрутов.

— Можешь пройти тут, слева от ледника Салкантай, но с коляской там точно не протиснешься. Тебе надо взять мула. Я знаю у кого!

На следующее утро он приходит вместе с Апполиарио, уроженцем этих мест, вызвавшимся быть моим проводником. Апполиарио говорит только на кечуа, но великая сила жестов наконец помогает нам условиться о цене. Наутро перед стартом, с трудом справившись с накопившейся усталостью и кое-как успокоив постоянно бунтующий кишечник, я помогаю проводнику погрузить мои пожитки на двух мулов, и мы отправляемся по намеченному маршруту. Три часа карабкаясь на вершину, наконец-то начинаем спуск и добираемся почти до Пампаккау, крошечного поселения из нескольких каменных домов, скрепленных известковым раствором. Мой проводник всю ночь выпивает вместе с каким-то дружкой, а я тем временем всю эксплуатирую здешнюю уборную. В дорогу мы оба отправляемся в дурном настроении, потому что с утра пару часов носились по горам за нашими глупыми мулами, умудрившимися удрать с привязи.

Мы следуем вдоль реки Хуаруро до Уайллабамба и вскоре оказываемся на перекрестке с Великой дорогой инков, ведущей на вершину Мачу-Пикчу. От окрестных пейзажей захватывает дух, но я не могу насладиться ими сполна, глядя на открывшуюся мне жуткую картину: узенькая тропка кишит туристами, организованно идущими гуськом в сопровождении проводников и носильщиков багажа. Вся эта вереница людей вздыхает, охает, восклицает, говорит на разных языках, делает фото на память... чик-чик-чик, щелкает вспышками... А вокруг снуют носильщики, эти современные рабы, спешащие подготовить палатки до того, как придут их клиенты... Я не ожидал, что моя прежняя «цивилизованная жизнь» так коварно выскочит мне прямо под ноги где-то в глубине перуанских Анд... Внезапно мне становится не по себе: начинается тахикардия, и я страшно хочу вернуться обратно!

Еще тридцать километров пути отделяют нас от заветной цели. Дорогу перекрывает шлагбаум с огромной вывеской: «Великая дорога инков на Мачу-Пикчу». Не хватает только приписать: «Inс.» У меня требуют входной билет. Естественно, я не могу его предъявить. Но здесь, у шлагбаума, билеты не продают: нужно спуститься обратно в Куско и приобрести их у любого турагента. Все мои уговоры и рассказы не действуют: ни то, что я пришел сюда через Анды, ни то, что проделал путь в двенадцать тысяч километров, чтобы подняться на Мачу-Пикчу. Просьбы и мольбы бесполезны. Ответ один: «Оплатите билет и услуги проводника. А сейчас уходите».

Я ухожу ни с чем, не переставая ругаться и клясть на чем свет стоит эти реалии современного мира, благодаря которым мы засадили себя в клетки условностей, поправ величайшие святыни. И вот мы спускаемся с горы, пробивая себе путь локтями, прокладывая дорогу в потоке движущихся навстречу туристов. К концу этого дня в священной долине Урубамба мы наконец слезаем с мулов, и я опять перегружаю свои вещи в коляску. Двигаясь по направлению к Куско, уже не поднимаю головы. Казалось, в тех деревнях, через которые я шел, атмосфера успела поменяться. Молодежь окликает меня:

— Эй! Ты кто такой? Как тебя зовут? Денег дай!

Я скромно откликаюсь по-испански, и меня оставляют в покое. Однако к вечеру, когда путь мой пролегает через огромные поля киноа*, где местные

---

* Зерновая культура, по вкусу напоминающая неочищенный рис и очень широко распространенная в южном полушарии.

жители лихо размахивают серпами, я вдруг слышу за спиной испанскую речь, тоненький детский голос:

— Сеньор, сеньор, постойте, послушайте, пожалуйста!

Я оборачиваюсь: какой-то мальчонка бежит ко мне, растопырив руки и переваливаясь с боку на бок. Широко улыбаясь, он протягивает мне четыре печенье картофелины, еще теплые и покрытые золой. Должно быть, его родители приметили меня откуда-то с полей... Забота этих людей трогает сильнее всяких слов.

Делаю привал в Оллатайтамбо, где жизнерадостные и не совсем трезвые местные полицейские заверяют меня в самых искренних братских чувствах и пускают к себе переночевать. А затем наконец прибываю в Куско, центр вселенной! Улицы украшены хоругвями всех цветов радуги: здесь празднуют Инти Райми*, праздник божества Солнца, и всю предстоящую ночь я провожу под пение, бой барабанов и звуки волюнок, чей глуховатый тембр сразу напоминает мне о горном воздухе, овечьей шерсти и тепле человеческих сердец.

Пожарным, приютившим меня этой ночью, я рассказываю в подробностях о своем неудачном восхождении на Мачу-Пикчу. И вдруг Кристиан, молодой парнишка-волонтер, вызывается проводить меня туда вместе с тренировочным отрядом для проводников по инструкторскому маршруту, запрещенному для посещения туристами. На следующее утро Кристиан прибывает, облаченный в униформу спасателя с рабочим поясом, на котором я вижу множество карманов со светоотражающими полосами. Для меня он принес красную куртку с нашивками спасателей и рекомендательное письмо от своего шефа. «С этого момента ты, Жан Беливо, начальник отряда монреальских спасателей. Сделаешь лицо посерьезнее и скажешь начальнику отряда, что мы идем повидаться в Агуас-Кальентес с тамошним шефом спасателей. Только вот имя его ты позабыл! Понял?»

Через несколько часов мы уже фотографируемся в священных землях, как дети радуясь дерзости нашей вылазки. Целый день проводим, валяя дурака, прыгая по камням, плескаясь в термальных источниках. С наступлением

---

* Древний ритуал поклонения Солнцу, главному богу инков, знак наступления венца года и скорого сбора урожая. Сегодня индейские традиции в праздновании Инти Райми дополнились христианскими элементами, католическая церковь Перу стала главным организатором праздника. Отмечают его 24 июня, в день, когда католики чествуют Иоанна Крестителя (Сан Хуана).
Прим. ред.

вечера мы с группой туристов, которые возвращаются обратно, устраиваем настоящую вечеринку. Носильщики веселятся вместе с нами и пересказывают истории про туристов, которых сопровождали днем, в особенности про женщин. И чем больше страшилок они рассказывают, тем веселее нам становится! Я полностью отмщен!

С легким сердцем отправляюсь дальше, в сторону плато Альтиплано, необъятной равнины, вычищенной ветрами и расположенной на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря на границе четырех государств. Я иду в полном одиночестве, изредка замечая вдали автобусы, забытые туристами, которые стремятся к озеру Титикака. В деревушках царит оживление: поспело время сбора урожая киноа, прабабушки всех злаковых, культуры, которую инки возделывали на протяжении пяти тысяч лет. Я наблюдаю, как в полях мужчины выбивают стебли при помощи хуактана*, чтобы отделить зерна от плевел. Заметив меня, одна из женщин преподносит мне глоток здешней крепкой настойки... В знак благодарности я крепко целую ее в щеку, а она от неожиданности вздрагивает. Мы смеемся вместе.

На этих бескрайних просторах я ощущаю странные перемены, происходящие в моей душе. Кажется, будто рухнули незримые оковы, сдерживавшие меня, я задышал свободно и наконец-то последовал велению собственной воли и инстинктов. Однажды меня укусил пес, и я, разъяренный, с криками погнался за ним, бросив коляску. Собака зарычала и оскалилась, но я не отступал и бежал за ней, пока путь мне не преградила калитка дома, на заднем дворе которого она спряталась. К своей коляске я вернулся, немало стыдясь, что кто-то из местных мог все это увидеть. А мысли мои тем временем отправились в совсем уж нереальные путешествия. Сколько времени понадобилось бы мне, чтобы добраться пешком до Луны? Припомнив все исходные расстояния и параметры, я всерьез принялся подсчитывать...

Вечером 4 июля я достиг берегов озера Титикака. Перед зданием здешней мэрии несколько музыкантов играли на сампони**, приплясывая и потягивая анисовую водку, чтобы хоть немного согреться. Пританцовывая в такт музыке, я на мгновение задумался: а ведь мне жилось бы куда привольнее здесь, в этих счастливых краях... По пути я не раз представлял, какой дом

---

* Нуастана, сельскохозяйственный инструмент наподобие известного русскому читателю цепа.

** Сампони (зампония, сампонья) — индейская многоствольная деревянная флейта, состоящая из нескольких пустотелых трубок различной длины. *Прим. ред.*

мог бы построить где-нибудь в Панаме, на севере Перу, поближе к пустыне. Там не нужно ничего ни у кого выкупать: вся земля в этих местах принадлежит одному только Господу. Было бы достаточно просто переехать туда жить, получив одобрение соседей и местного шерифа. Пол в доме своей мечты я бы сделал из бетона, а для постройки стен смешал бы глину, древесную стружку и рисовую шелуху, обмазав этим раствором куски известняка. Снаружи я облицевал бы дом белой известью, а крышу выложил бы глиняной черепицей. Внутри вместо стен я бы поставил бамбуковые ширмы и повесил тростниковые циновки. А пол для пущей красоты выложил бы элегантно испанской плиткой. К моему дому обязательно примыкала бы галерейка, где можно посидеть и отдохнуть, быть может, даже в гамаке, — в нем я бы коротал сезон дождей. Кроме того, стоило обзавестись ванной, вода в которую подавалась бы при помощи бочки, установленной прямо на крыше, а еще — компьютером на солнечных батареях с подключением к интернету. Воду из колодца я каждый день привозил бы на своем упрямом ослике, всякий раз ругал бы его, подгоняя хлыстом, как самый настоящий темпераментный гринго, и требовал бы «не осложнять мне жизнь своим скотским упрямством».

Все мои фантазии растворяются в прозрачном чистом небе этой необычной зимы южного полушария. 10 июля на тех же берегах озера Титикака меня вдруг настигает снег. На его девственно белом покрывале дети принимаются играть в футбол, натянув на босые ноги шлепанцы из старых покрышек. А я ловлю хрупкие снежинки, такую дивную редкость в этих краях, и прощаюсь с добрым Перу — на этих землях ваш одинокий странник провел целых полгода.

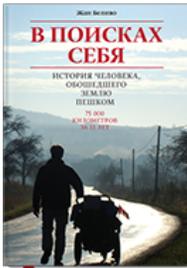
Дойдя до Ла-Пас в Боливии — самой высоко расположенной столицы мира, — я решаю купить себе пару перчаток. Впереди на моем пути, на территории Чили, находится высочайшая отметка моего путешествия — пограничный пункт в районе вулкана Тамбо-Кемадо на высоте 4660 метров над уровнем моря. Сразу за Ла-Пас дорога резко идет в гору, а воздух становится более сухим и разреженным. Лучи сияющего на небосклоне солнца будто пронзают меня насквозь, и создается непривычное впечатление, что я вошел в контакт с космосом. Кажется, стоит протянуть руку — и я смогу потрогать, какова Вселенная на ощупь... Ночи тем временем становятся все холоднее, и вода в моих флягах за ночь замерзает. Утром 23 июля мне приходится колоть ледяную корку, чтобы умыться. Где-то вдалеке возвышается

величественный вулкан Саджама, укрытый вечной снежной шапкой. К нему-то я и направляюсь.

Меня охватывает ощущение конца света. Далеко позади меня закатное пурпурное небо утонуло в синеве ночи: там только угасание и смерть. Но впереди разливаются всеми цветами радужного спектра свежие краски жизни: красная, желтая, оранжевая... Луна сегодня идеально круглая. И я не сбавляю шаг. 27 июля невыносимые ледяные ветра начинают бушевать вокруг. Температура падает до -20 градусов по Цельсию, и даже в перчатках пальцы мои замерзают.

А дорога еще круче поднимается в гору, и все, что я должен делать сейчас, — это идти вперед и вперед, шаг за шагом. Вокруг меня, будто страшные мертвые головы, высятся каменные глыбы, изъеденные эрозией. Огромные уродливые валуны будто насмеяются надо мной. Я почему-то начинаю нервничать. А на горизонте тем временем уже показались вулканы-близнецы Паринакота и Померале... Саджама остался позади. Спать мне удастся всего по несколько часов, а вместо туалета я использую пластиковую бутылку — правда, мочиться в нее приходится прямо под одеялом. Границу пересекаю около полудня. К этому моменту все мои органы чувств отказываются работать из-за нехватки кислорода, а поверх куртки я натягиваю пончо. Вывеска «Добро пожаловать в Чили!» злое ще скрежещет на ветру, давая понять, что теперь мне предстоит утомительный спуск в неласковой компании шквальных ветров. Я вспоминаю о листьях коки — прощальном подарке Лауры, полученном в Пукьо еще на «хвосте дракона»... Но снова преодолеваю себя и не прикасаюсь к наркотику. Оставшиеся километры кажутся просто пыткой — двигаюсь на последнем издыхании. К пограничному посту в Чили подле озера Чунгара добираюсь промерзший до костей. Два пограничника, Серхио и Омар, едва завидев меня, наливают мне миску горячего супа. До сих пор я пытаюсь угадать, что их больше напугало: вид бредущего к ним живого трупа или мое ужасное астматическое дыхание...

На берегах этого волшебного озера, кажущегося таким безмятежным в отблесках вулкана и заселенного розовыми фламинго, чинно гуляющими в прозрачной воде, я наконец попрощался с горами. Спускаясь к провинции Арика со стороны Тихого океана — к вратам пустыни, — я издал победный клич, который тотчас затерялся в горах: я укротил дракона! Всю мою усталость как рукой сняло. Я снова иду в сторону огромной пустыни, следуя зову своего сердца.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

